

После той взбучки Шуанчэн целых три дня не вставал с постели. Всё тело нещадно ныло, так что он не мог ни подняться, ни сделать и шагу. В его затерянный дворик за это время никто не заглядывал — навещали лишь верный Цю Мин да старый управляющий.

Поначалу его терзал страх — он до смерти боялся, что из поместья Старшей принцессы пришлют людей затребовать обидчика обратно. Но в переднем дворе царило молчание, и Шуанчэн постепенно успокоился. Впрочем, стоило признать: с влиянием и возможностями его старшего брата, главы кабинета Е Чжэня, подобному позору, пятнающему честь семьи, случиться бы не дали. Хотя, если рассудить здраво, Шуанчэн частенько думал, что одного его присутствия на этом свете — несносного бездельника и баламута — вполне достаточно, чтобы покрыть позором весь благородный род Е.

Конечно, вслух он эти мысли никогда бы не высказал, особенно при Е Чжэне — иначе опять выслушал бы суровую отповедь за «малодушие и самоуничужение». Но ведь Шуанчэн вовсе не напрашивался на жалость, он действительно считал себя никчёмным олухом. Возьми хоть эту несчастную порку: попадись на его месте любой другой благородный юноша, в ком теплилась бы хоть капля гордости, он сносил бы побои молча, стиснув зубы. А Шуанчэн ревел и причитал на весь дом.

От непрекращающейся боли он изнывал от тоски и раздражения. Первые дни без зазрения совести крушил у себя в спальне всё, что под руку попадалось, зная, что всё равно никто не придёт его утихомиривать. А когда раны затянулись и понемногу пошли на поправку, в его мыслях против воли всё чаще стал всплывать образ Е Чжэня.

Если судить непредвзято, то в те дни, когда старший брат не брался за линейку для наказаний, он был просто идеальным родственником. О щедром содержании и говорить не стоило, но даже когда недавно Шуанчэн вскользь обмолвился, что не прочь поразглядывать свитки с искусными пейзажами, Е Чжэнь без лишних слов достал из личного собрания несколько редких картин и подарил ему. Жаль только, пыл младшего остывал быстрее, чем закипает чайник: полистав свитки пару минут, он забросил их в самый пыльный угол комнаты.

А теперь Е Чжэнь наложил на него строгий запрет покидать поместье и за целую неделю ни разу не навестил. Сердце у Шуанчэна болезненно сжималось от обиды, но ещё сильнее он боялся, что брат попросту разочаровался в нём и навсегда умыл руки.

Через пару дней до дворика долетели столичные слухи. Оказывается, того актера-лицедея, устроившего с ним потасовку в чайном тереме, вышвырнули вон. Видно, паяц совсем позабыл о приличиях в своей безграничной спеси, так что даже покровительство Старшей принцессы его не спасло. Негодяя жестоко выпороли палками у ворот и прогнали прочь из поместья.

Выслушав эти вести, Шуанчэн молча лежал на животе, уткнувшись носом в подушку. Он прекрасно понимал: столь суровая и молниеносная кара — дело рук его старшего брата.

На душе у него потеплело, а в мыслях зароился целый вихрь восторженных чувств. Всё-таки не зря он так крепко уцепился за подол Е Чжэня — лучшего покровителя во всей Поднебесной и

сыскать нельзя!

Вот только этот замечательный покровитель, задав младшему знатную трёпку, так и не соизволил явиться лично.

И Шуанчэн снова захандрил.

В один из таких тоскливых дней, когда Шуанчэн уныло валялся на кушетке, накрыв голову подушкой, в коридоре раздался негромкий шорох шагов. Решив, что это вернулся Цю Мин, юноша даже не пошевелился.

Спустя мгновение кто-то мягко коснулся его взъерошенных волос. Шуанчэн вздрогнул. Уж у кого-кого, а у робкого слуги точно не хватило бы духу на подобную вольность. Он резко вскинул голову и обомлел: перед ним стоял Е Чжэнь.

В горле мгновенно встал ком, а к глазам подступили горячие слёзы.

— Брат... — едва слышно прошептал он.

Е Чжэнь опустился на край кушетки. Выглядел он вполне умиротворённо, да и говорил непривычно мягко. Правда, заметив тёмные круги под глазами младшего, слегка нахмурился:

— Не спится в последние дни?

Шуанчэн шмыгнул носом и торопливо, словно ласковый щенок, придвинулся ближе к брату.

— Брат, я всё понял, правда, — заговорил он с самым серьёзным и преданным видом. — Я знаю, что кругом виноват. Пожалуйста, не сердись больше. Обещаю, впредь я сначала буду думать головой, а уже потом делать.

Е Чжэнь невольно усмехнулся и слегка щелкнул нарушителя по лбу.

— Хотелось бы верить, что этот урок пойдёт тебе на пользу. Прекращай вечно лезть на рожон со своей горячностью. — Он на миг задумался, а затем с едва уловимой иронией добавил: — Одно дело, если бы ты гарантированно мог побить соперника. Но ведь силёнок не хватило, а всё равно полез кулаками махать.

— Ну брат...

Щёки Шуанчэна мгновенно залила краска стыда. Он смущённо прикусил губу, не зная, куда девать глаза от такого позора.

— Да уж, заметный рост, — вздохнул Е Чжэнь. — Научился геройствовать.

Шуанчэн прекрасно понимал, что хвалить его никто не собирается. Не найдя лучшего выхода, он вновь уткнулся лбом в плечо брата, а затем принялся тихонько бодать его в бок, канюча на самый жалобный лад:

— Брат... Ну какой же ты бессердечный! Как ни крути, я ведь твой единственный родной младший брат... Разве можно было... Разве можно...

«Разве можно было пороть меня с такой яростью?!» — мысленно закончил он, но озвучить эту крамолу не решился.

Е Чжэнь удивлённо приподнял бровь:

— Вот как? Накуролесил, пытался выгородить себя глупой ложью, а теперь жалуешься, что тебя призвали к порядку?

— Такого больше правда не повторится, — клятвенно заверил Шуанчэн.

— Очень на это надеюсь. Потому что если повторится, я собственноручно переломаю тебе ноги, запру в дальней комнате и больше никуда из поместья не выпущу.

—... Брат...

— Всё, полно дуться. Хватит с тебя обид.

Прошло ещё несколько дней.

Шуанчэн пребывал в полнейшем смятении, не зная, радоваться ему или плакать. А виной тому был недавний визит в кабинет старшего брата.

Когда юноша вошёл, Е Чжэнь сидел за столом, заваленным государственными бумагами. Рядом молчаливой тенью стоял Фэйсэ, неторопливо растирая тушь на тушечнице — судя по всему, глава кабинета собирался составить какой-то важный указ. Заметив младшего брата, Е Чжэнь отложил кисть в сторону и жестом подозвал его к себе.

Поскольку в последнее время Шуанчэн вёл себя тише воды ниже травы и был твёрдо уверен, что за ним не числится никаких новых грешков, он смело подошёл ближе, сияя самой обезоруживающей улыбкой.

— Брат, ты хотел меня видеть?

Е Чжэнь сдержанно кивнул:

— Начинай собираться. Завтра утром ты отправляешься в императорский дворец. Отныне будешь через день исполнять обязанности соученика-сопровождающего.

Шуанчэн аж подпрыгнул на месте от неожиданности.

— Куда?! Каким ещё соучеником?!

— Во дворец, в Зал Развития Литературы, — невозмутимо пояснил Е Чжэнь. — Будешь постигать науки вместе с принцами.

От этих слов у Шуанчэна похолодело внутри. Почти не задумываясь, он отчаянно замахал руками:

— Нет-нет-нет! Ни за что не пойду! Пусть кто угодно идёт, только не я! Я туда ни ногой!

Е Чжэнь многозначительно усмехнулся. Шуанчэн судорожно сглотнул и попятился назад, испуганно бормоча:

— Брат... ты... ты только не смотри на меня так. Мне страшно...

— Вот как? — Е Чжэнь негромко вздохнул, и в его голосе зазвучали непреклонные ноты: — Возвращайся к себе и собирайся. Твоё нежелание в данном случае никого не волнует.

Как бы сильно Шуанчэн ни противился этой участи, спорить с главой кабинета он не посмел. Понутив голову, он поплёлся прочь из кабинета. На заднем дворе юноша дал волю чувствам: набросился на ни в чём не повинное раскидистое дерево, свирепо колотя его ногами. За этим увлекательным занятием его и застала проходящая мимо служанка — та самая девчушка, что когда-то видела его великое сражение при помощи сырых яиц.

Выглядела она чрезвычайно миловидно: аккуратное личико, нежно-зелёное платье, а в причёске покачивались и тихонько звенели подвески с маленькими колокольчиками. Заметив молодого господина, она склонилась в лёгком поклоне и звонко позвала:

— Второй господин!

Шуанчэн прекрасно её помнил. Заведя руки за спину, он прислонился к стволу дерева и с самым благожелательным видом спросил:

— А, Фулин! Давненько я тебя не видел. Где ты сейчас прислуживаешь?

Девчушка забавно сморщилась:

— Второй господин, так я ведь служу в покоях старшего господина Е. Как же вы умудрились забыть?

Шуанчэн с досадой хлопнул себя по лбу. И впрямь! У Е Чжэня вечно крутился такой рой ординарцев и личных телохранителей, что разглядеть среди них обычных служанок, которым к тому же запрещалось без надобности приближаться к первому помощнику, было делом непростым.

Немного подумав, Шуанчэн заговорщически подмигнул ей:

— Послушай, Фулин, а не хочется ли тебе отведать сладких лепешек с фулином?

Глаза девчушки мгновенно заблестели от предвкушения, и она закивала так часто, что колокольчики в её волосах весело затрезвонили. Впрочем, сообразив, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке, она тут же упёрла руки в бока и деловито заявила:

— Говорите прямо, второй господин: у вас ко мне какое-то дело? Ради лепешек с фулином я готова на что угодно!

Шуанчэн не сдержал весёлого смеха — до чего же умильной была эта маленькая сластёна.

— Скажи-ка мне, — заговорщически понизил он голос, — какие кушанья или забавные безделушки больше всего по душе твоему хозяину?

— Разве о подобных вещах не лучше расспросить личных помощников господина Е? — резонно возразила Фулин.

Шуанчэн прищурился и с напускным коварством протянул:

— Что ж, тогда, пожалуй, мне стоит отдать всю корзину лепешек этим самым помощникам?

— Ой, не надо, не надо! Я всё расскажу! — испуганно замахала руками девчушка и, опасаясь, что щедрый господин передумает, принялась без утайки выкладывать всё, что знала.

Оказалось, что её господин, во-первых, обожает проводить время за чтением мудрых книг.

Во-вторых, питает слабость к изысканной живописи и каллиграфии.

И лишь одна крупница информации показалась Шуанчэну действительно стоящей внимания: Е Чжэнь равнодушен к складным веерам.

Это известие изрядно озадачило юношу. Сколько он себя помнил, старший брат никогда не держал в руках веера — эта мотовская привычка скорее подошла бы щеголю вроде Чжоу Цинця.

Но у Фулин на этот счёт имелось собственное нерушимое мнение: раз хозяин — просвещённый учёный и человек тонкого вкуса, то и веера ему по статусу положены самые лучшие.

Взяв эту подсказку на заметку, Шуанчэн довольно кивнул и повёл припрыгивающую от нетерпения служанку на кухню, где велел кухарке испечь самых пышных лепешек с фулином. Не помня себя от счастья, Фулин вскоре покинула кухню, бережно прижимая к груди пузатый короб, доверху наполненный ароматным лакомством.

<http://bllate.org/book/18190/1752135>